

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ШЕСТОЙ · ИЮЛЬ – АВГУСТ 2002 ГОДА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Бей сороку, бей ворону –
добьешься и до белой лебеди!»

«Иди своей дорогой
и пусть люди говорят,
что им угодно!»

И пословица,
и Микеланджело Буонарроти –
о неистребимом
свойстве художника
настаивать на своем,
сколь бы ненужным,
странным, нелогичным,
не таким, каким оно
должно быть,
не казалось современникам
его искусство.

Прав, как правило,
оказывается художник...

Если идет долго,
идет своей дорогой,
даже если на этой дороге
он одинок.

Постмодернизм исчерпан, а если и остались не пересохшие резервуары, то черпать оттуда уже не внове и неинтересно. Что там виднеется впереди – неоклассицизм, неоромантизм или постреализм? Бог весть! Как говорится: «ни одна из группировок не взяла на себя ответственность». Возможно, что нынешнее тяготение к актуальному искусству и изобличает склонность к постреализму, во всяком случае молодая литература, точнее новая литература, позволяет усмотреть движение в этом направлении. Кажется, мы все должны сказать спасибо литературе средней паршивости, заполнившей до последней клеточки постмодернистский цитатник. Но, как это было и в любую другую историческую эпоху, ни одно литературное направление, ни один «метод» не торжествует абсолютной победы и живая литература представляет собой «густой замес» разных эстетик. В одном историческом времени могут соседствовать и даже влиять друг на друга почти взаимоисключающие школы и направления, и везение в том, чтобы ни одно не стало ведущим и направляющим. Жесткое время, не отменяя литературной игры, усложняет её правила...

Тамара Буковская

* * *

Целый день
таскаться по городу,
мяться в потном метро,
корчиться в маршрутке,
читать на развалах стихи,
пытаясь по фоткам на
переплете представить
лучшую пору их авторов,
мыть холодной водой
жирную посуду,
искать черт знает куда
девшийся черновик
(пока не найдешь, он
кажется самым нужным),
листать справочники,
шарить в интернете,
смотреть почту,
прогуливать собаку,
не отвечать на звонки,
чтобы не врать, почему
тебя не было там,
куда ноги не шли,
места пол –
откуда столько грязи!
Маяться всякой фигней,
пить крепкий,
до рвоты, чай,
только чтобы
было оправдание,
почему не можешь
ничего написать.
А перед кем ты
хочешь оправдаться,
кому оно сдалось,
твое оправдание?
Да хоть бы ты
никогда и ничего
не писал, не печатал,
не говорил, не обозначал
себя во времени,
это только твои дела,
это только твои
с собой счёты,
и все, и баста,
и можешь целый день
шататься по городу,
не отвечать на звонки,
листать, свистать,
мыть, мять, звать,
знать, пить, жить,
фыюить, фить,
ить, ть, в.....

* * *

По руке моей
в синей оплетке
красная тянется
ж - и - и - и - з н ь,
на руке моей
в черточках, линиях
пропись судьбы
или краткая фабула
с ч а с т ь я.
И рукой заслониться
от ужаса, хаоса, зла –
малость самая малая,
но только она в моей
в л а с т и .

* * *

Моя жизнь – дзнь!
Твоя жизнь – знь!
Наша жизнь – нь!
Да и вся жизнь – Ъ!
Или вся жизнь – Ъ?
Но эт о –
непроизносимо!

* * *

Я поняла – я живу в зазоре.
в щели между тем, что знаю
про себя сегодня и тем, что помню.
Из этой щели нет выхода,
попав в нее – ты уже уходишь,
еще не совсем, но уже не слышно.
Перестаешь быть, длиться,
а так, мнешься, между совершившимся
давнопрошедшим и несовершенным
настоящим. Не человек, а наглядное
пособие «Категории времени
в индоевропейских языках».
Быть бы моложе, сошло бы за рефлексию,
старше – за маразм, разлад со временем,
в этой же возрастной идентификации
проваливаешься в щель и до ободранных
ногтей цепляешься за воспоминания
и вот это н а с т о я щ е е или нас стоящее
мгновение, дуновение, мановение, веение...

* * *

Старая – дуреешь, впадаешь в тоску
как будто тебя волокут по песку,
и он набивается в рот
и ты понимаешь – ну, вот!
Ну, вот, золотая жестянка твоя –
которой вовнутрь замяты края,
закатится солнцем за тот
за край – каравай, за непознанный рай,
за трон-лохотрон-когошошьвыбирай,
за ящик-нужник, за сарай!
Засранец, за ранец готовый к броску,
ты стравившь себя на погляд по куску,
сестрицей-плотвицей вплывая в треску
чешуйчатой Невки – да, черт с ним, рискну,
и выйду на берег – за край!
Закайся, не майся – плесну-полосну –
попался, дурак, без живца на блесну,
попался, надейся, блесну!
Блеснуть-то блеснешь,
да куда ж ты уйдешь,
не выйти сухим из воды!
Изводишь себя? Изведешь, изведешь,
до ручки дойдешь, в кулачок соберешь,
и ладушки скажешь, лады!
Лады-то лады, но вот так, от балды,
не хочется. Я не готова... А ты?

* * *

Сам, того не желая, видишь - дуреют
твои сверстники. Да и ты дуреешь,
только не видишь, а замечаешь когда
подкатывает нужда написать мемуарий,
т.е. нужды-то никакой нет, а то ли долг,
то ли обязанность, или неловкость –
вот, мол, человек жил, ушел, ты его знал,
так вспомни же, сука, хоть что-нибудь хорошее!
А во всякой жизни помесь крови, пота и слез,
страстей, одержавших верх, не случившегося
счастья, случившегося конфуза, мелкой дряни
лишней суеты, любовных геометрий,
распиздяйства и рвения, расчета и просчета,
что ты можешь вспомнить? а написать?
Если безжалостно – то все, и как видел, и слышал,
если жалостно, то словно бы через вату в ушах
и медяки на глазах...Одно другого не лучше...
И в тяжелой одуре замираешь, не умея сказать
все, не смея сказать пустое, не находя первого
слова, не написав даже – я помню...

* * *

Загаженный берег, вода
вся в волосах водорослей,
белотелые, неловкие в наготе своей,
фигуры, полулежащие на застиранных
занавесках и пикейных покрывалах,
художественно исполняющих роль пляжных
подстилок, сопливые дети,
титястые жены, вялые мужья,
дрянное пойло, дрянной музон...
Если долго идти по берегу и смотреть,
начинаешь понимать – видишь
непристойное. Ты – соглядатай
чужой жизни, к которой никто тебя
не допускал. А ведь тоже мог бы –
разнагишаться, сложить одежду рядом,
вынуть из сумки кусок старой портьеры
с выдавшими виды розами и лилиями
в гобеленовом переплетении
(по верхнему краю еще сохранились
аккуратно пришитые ушки для колец),
лечь лицом к солнцу на красный песок,
на гобеленовую тряпицу, которая
отпечатается на твоём теле выдавшими
виды розами и крестами, лилиями
и кувшинками. Но ты ведь нездешний,
нездешний – негдешний, ни свой, ни чужой.
Прохожий...Только внешне похожий на
человека с фотки, вклеенной в паспорт
уже навсегда лет сколько назад.
У человека с этим лицом нет надежды
остаться в памяти поколений –
паспорт со срочной фотографией
разорвут в отделе регистрации
рождений и смертей. Лучше проходи
мимо, дальше по берегу, спотыкаясь
о переплетенные корни вечных сосен,
и не упади там, где падал в детстве...

* * *

Они родились,
Когда мы были их ровесниками,
Они пройдут тот же путь
И их нельзя ни предупредить,
Ни предостеречь, а стеречь и того смешнее.
Им кажется, что у них всё иначе, и они
Уж если и не умнее, то продвинутей, Sic!
Им придётся хоронить нас, читать наши книги,
Говорить себе ли, любимым, друзьям: надо же,
Они это уже понимали, умели, или не...
Им только предстоят первые проводы
В вечное отсутствие их сверстников;
И ничем незаливаемая тоска,
Пустая, как балтийский горизонт,
Которую не с кем разделить...
Господи, как же их жалко,
Помоги им!

* * *

Отпадая от мира живых,
к миру мертвых еще не пристав,
я земной повторяю устав
с всхлипом, выхрипом –
ы – ы – ы – ы – х!
Пятипалая косная форма –
оболочка земная моя –
отторгаясь от мира, моля
о прощенье, становится кормом
и составом земного родства
естества и зевающей прорвы.

ЗОНЫ НЕВЕДЕНИЯ

ЗН 1

Зоны неведения привыканья к лишнему, наносному, толканью локтями подернуты масляной пленкой лица тех, кто за квитками ковка будущего, поклепы у застрехи полевка застыла помой у помещения складского зоны неведения та ж пустыня тайга, тундра, но уже без трели птичника, без гриппозного зуда без бальзама на воспаленную ранку без лихорадочных усилий

ЗН 2

Зоны неведения небреженья носом в истину не тыкнут лезвием не ткнут, не откажут в дележке гноится – промоют и забинтуют очкарик – приделают душку ревнивец – найдется и для неверной оправданье, что-нибудь похуже в зону неведения попаданье не сулит прием официальный при свечах деловой ужин даже заурядные блюда кристаллики марганцовки

ЗН 3

Зоны неведения вытеснения члучных влечений, поясничной боли куда не ведомо, от хорошенькой взбучки шелковыми делаются грива, холка в зоне неведения скрыты полочки приписки, доносы, недочеты зубрежки холодрыга улыбки дежурной шутка дурнопахнущая подсознания валяет ваньку, в дуду дуэт досаждает энергией кипучей себя впаивает копией пиратской криком оттопыренным

ЗН 4

Зоны неведения изгниванья замочной скважины, кочерыжки, скирды все открыто, чего нет под чадрую все забрано в скобки, под баки спрятано книжника, библиомана все красит буквоедство, поубавленная спесь разглядыванье инкунабул продырявленный фоторобот убийцы из второй главы, подозрения ложны престолонаследнику власть не светит уничтожение простолюдина маленький человечек ропщет

ЗН 5

Зоны неведения приближенья к тому, чего нет, многого не было ведь если и было, то жбан прокисший письма, поднятая на что-то душенька, любительница анакреонтик бьет ногами насильника нехотя поскрипывание бидона и дубак, уноси, дрыгая, ноги все мертвы давно, кто ни попадая под давлением дырокола иль дышла зоны неведения поскрипывают прилипчивым дзинь-дзинем

ЗН 6

Зоны неведения предвкушенья плевка, шанкра, смятой чуприны котормый раз обжигается горшечник объездчика не видать, все перепахнулось на перегоне, у дощатого сортира копошатся в промоине букашки под старика подкладывают судно нотариально заверено право водит, кто вожатого предвкушает переполненный ягдташ, много пушнины кто историю расчесывает по шерсти расходится по шву

ЗН 7

Зоны неведения приутовленья к попаданью под хвост вожжи, воз жмыха каждый движется своим темпом улепетывает, пятки сверкают чеканным шагом идет, глаза в кучку ковыляет, скользит по сланцу в зонах неведения некстати раздается привычный призывок перекрывает потоки брани из уст бугаев, бритых амбалов посаженных в обезьянник

ЗН 8

Зоны неведения истребленья тиранов, случайных попутчиков все, что любили, все здесь, в коробочке тын, просеивание проса крен, портретированье власти набросок архонта или царевича местоблюстителя зарисовка благодетеля парсуна эйкон пахана, прочих, сатрапа все, что любила власть, поросло польню, бычком вдавлено щелбанов заслужило

ЗН 9

Зоны неведения предузнаванья что будет после плаща и шаги только ли израсходованные подтирки еще и дебют девочки-подростка ее немудреное тело упруго соски тверды, припухлости крошечные все такое плоское, хоть прысни на ней бусины спермы оставлены сорокалетним мужчиной длинная пахить, паллиата сыграна секс похож на зону неведения туда пускают не всех далеко

ЗН 10

Зоны неведения предубежденья против резких движений, для домоседа кофемолки дребезг, журчанье музона предпочтительней гвалта босой Делии, умницы Кинфии молодой кобылки или соплячки приходящей по будням, когда придется для коагуляции и переливов нежности, трезвого эротизма счастье непрочно, оттого и чадит так помогает каротин или анальгетик вознамериться, возомнить себя

ЗН 11

Зоны неведения негодованья на толкняную облачность, горячее подорожало раздражает ужесточение режима с чего-то дворовые оборзели в зоне неведения развлечений не ищут гонятся не за признаньем, большой деньгою держатся не за свободу, все куда актуальней и проще – охотятся за привязанностью к тому, что заведомо не ускользает от биологического детерминизма от гнета тестикул, нитей инсульта от контррельефа побудки

ЗН 12

Зоны неведения приглядыванья одна зеница, другая, третья все уставлены на запад там западня и шапито, светозарно и ублюдочно, – взятая отдельно зона неведения, вырвись она на запад станет брутальной рейтара и осмотрительней дофины даже выбившись из коллектива до просвещенного абсолютизма и демократии конституционной рукой не подать ей

ЭН 13

Зоны неведения изображенья себя в невыгодном свете, любования X-лучами вокруг дырка, еще одна, их много они выведены академическим рисунком твердо, но без усиленного нажима никаких абстракций, все донельзя четко никаких панчей тебе, куркрынников лессировки, застенчивые почеркушки графем необратимо смыкание к пятидесятинице все просветят кунктатору и положено долго, долго дрыгаться меж зонами, в трясине

ЗН 14

Зоны неведения одичанья копуляция, скрежет ножниц садовых сваи вбивает копер изношенный в зонах неведения кобели деликатны лососевые вкусны, все кошки кошки поведения тип нордический и не подарок – постоянные дрязи швах и кердык прибыльному делу обитель, пропащая кеновия мужской причиндал кто приголубит адама кадмона давно известили о появлении следующего и подавно

ЗН 15

Зоны неведения притяженья между ножовкой и брусом, теином и алкалоидов массой, конъюнктивитом и многое прохлопавшим глазом меж зонами неведения притяжение явно они симпатизируют друг другу подначивают, подбивают – будем как люди хотя человечными явно не быть им по многим причинам, не главные повышенная зональность искренняя нелюбовь к искреннему к деятельному соучастью

ЗН 16

Зоны неведения обновленья ежесекундного, секвенции нежданного кому история хоровое единство кому злобучка, кому эпиталама зоны неведения в историю попадают не часто, это им не по плечу, не в жилу что причитается богатырю, витязю, звияду гамсахурдиа, кому-нибудь из малатеста иль палеологов им не по духу, ни к чему зачем крамповать себя кочевряжиться они смотрятся cool, мудрые симпяшки прокальваются иногда

ЗН 17

Зоны неведения привнесенья смысла, и так его чересчур, с избытком в зоне неведения что-то от человека с кем непреднамеренно столкнулись в Москве иль Вест-Вилледже, на коктейле у четы французских интеллектуалов обменялись адресом электронным телефоном, незначаящим после того не встретились, не созвонились не списались, фуфык, все и так понятно непрожитое мало кто возмещает острые углы снабжены жучками

ЗН 18

Зоны неведения обретенья уверенности, выгодно заниматься заботою о себе, бассейном, бессмертьем вытяжка плохая, ржавая терка не продыхнуть, загибается дохлятик над жертвенником так и будет куриться куры в ошупь, тягловые запряжены привидятся порванные капилляры недурной подростковый ужастик образина в залатанной косухе депривация от материнской груди так не изматывает

Из книги «Бетонные голубки, или Несколько тостов за Гернику Гвиницелли»

Тост II

Пью кампари, Герника, за паденье и рост
цены на баррель антиохийской нефти,
за охоту на ведьм посреди подлеска,
за пудреницу в костюмерной,
за муру монитаристской реформы,
за обсидиановый наконечник,
за чувырлу, увлеченную растафари,
за антиглобалистов буйволово упорство,
за споры догматиков об универсалках,
и за тебя, председательница оргий
распорядительница цепной
и плачевной реакции полусоблазна.
Для твоей юности охламонской –
иронизируя в масть Иову и Сократу –
выступил я повитухой и параклетом,
рукоприкладчиком и экзорцистом.

В той хмыревой столице цитрусской,
вперемешку криминально-культурной,
ты по молодости погромывала
в ампулу нище-богемной прохвостки,
пахнущей эдипальными припарками,
нескладными амурными триумфами,
многочисленными и бестолковыми,
плохим алкоголем,
табаком дешевым,
кисловатой спермой
сорокалетних неудачников
и чем-то неизмеримо притягательным.
Тогда свой нос обдолбанной мегеры
(манерно выгнутый
американской горкой)
ты индифферентно вертела,
от меня. А я, будучи
много что перевидавшим
незавидным везунчиком,
следуя установкам
монадологии домогательств
тебя журил за непослушанья
тонизирующую шипучку,
подвергал дренажу и небреженью
твоей истерики домены,
упорядочил график рабочей твоих
эпидемий притяженья-отталкиванья,
и прознав – из тебя ситуации
(пещерной – ну и ладно)
выхода мне и задаром не надо,
я карантин своей пустоты
в интернате твоей пустоты назначил.

7 января 2002 года

Тост XV

Пью кампари, Герника, за так.
В 90-ые разросся
ресторана «Миллениум»
шлакоблочный акрополь,
взгроможденный
конструктивистским торосом
над фешенебельным
котлованом-курортом.
В него вложенный капитал
достиг оборота
приличного при катаклизме
небольшого террора,
когда много групп
оппозиционной крови
ушло в истории
турбулентную воронку.

А после реформ всем позволена
гомеопатия фронды
и либералом работать
на два афронта.

Трудно тут контингент
чем-нибудь опорочить:
здесь каждый стригольник,
урка, погромщик,
по нему плачет электромебель
или гаррота.
Полемизируют, как нам
Цитруссию обустроить
корпулентные апаши
из десятков неробких,
гермафродиты в тройках
с узором тигровым,
и на одной виагре
услужливые геронты,
и трибады, насвистывающие
чимарозу,
в каракуле и канотье
цыганские наркобороны,
кисейные чиксы,
нюхающие туберозу,
и особисты-отставники
в гипюровых пластронах.

В папоротниках вольера
отрегулирован субтропик,
там шебуршат теллургической
масти тролли,
на глазах заказчика
их крошат в профитроли –
физиологией кухни
я чуть-чуть покороблен.

Майстер Генрих с коллегиальным
тату гурона,
провел меня в перепавший
от снятой брони
кабинет с проорциями
шайенской пироги,
отделанный под туф
и мрамор паросский,
где консоме из не тронутых
ящуром уродцев
без консервантов и специй
я заказал на пробу.

Я взирал в телеизвер
на гнусных известий профиль,
запинаясь о кинописный
субтитров петроглиф,
в меню новостей неприглядных
тыкая экспромтом.
Заикающийся, что тарталья,
телеликтор – дистрофик
в манишке из нковских
бланков, ордеров и
квитанций, жевал
информации крокус,
подгоняя нещадно
цитрусского болеро курс.

По центральному каналу
президенди артрозный
принимал инаугурацию
в ванне тминного грога,
заплывая в экстазе
государственный кролем,
его юфтяными подвязками
закидывали матроны.

По кабельному каналу
с ограничением «для взрослых»
в прямой трансляции –
неудачные роды,
у одра роженицы –

акушеров ростры,
фараоново сеченье
разбитной оператор нарочно
подал щекотливым рапидом
для вящего фурора.

Прогоняли по МузТВ группы
«Забойные» гастрологи:
ребрышки регги, лапки ламбады
и гребешки фокстрота.
Из репертуара не
завуалированных эротик
L-канал хардкора я отобрал,
и с ромом
рюмку я уронил,
когда в монитора ромбе
увидал, что ты, Герника,
дебютировала в скоромном
конкурсе жесткого порно
с изрядной сноровкой.

В гинекее с инвентарем
снарядов для азробик
ты выгибала спинку гибче
«стиморола» и «дирола»,
с апломбом полуфиналистки
в ненормативном кроссе
ты доминировала верхом
на измотанном квартероне,
хотя habitus'ом твой партнер –
вылитый макаронник,
или, по крайней мере,
сефардская полукровка.
И хотя тебе велено быть
хладно-шелковой недотрогой,
но заморозки и потепленья тебя
точной, чем астролог,
я прогнозировал... точнее,
чем гаруспик и метеоролог.
Ты вставляла в себя по привычке
чехленный дротик,
в смекалке минета
была далеко не рохля,
эксплуатировала шесть на девять
прием коронный.

Я слюнки пустил на твоих
берилл-родинок россыпь,
под стать елизаветинскому
иль каталонскому барокко,
твоего локона я б взьерошил
спиральный провод,
некогда смоляной,
но обесцвеченный пергидролем.

Стянуты твои кисти
медно-никелевым тросом –
читательницы митингуют
за рифму «розги»,
но от вербальной порки
мало желанного прока,
смаковать с/м предоставим
ларечной прозе.

Вынес бы здесь вердикт
любой либертин и ироник:
«политика и секс –
разновидности некроза,
анорексии, мальтузианства,
невроза,
иль ассортимента
из удовольствий микронных».
Знал бы, что секса секрет
кодирован так просто,
а для нас, неофитов и простофиль,
вовсе не запаролен,
стал бы тебя, комету в законе,
испытывать на прочность.

4 – 26 апреля 2001 года

***
Увидел,
хотел позвонить,
но уехал.

Вернулся,
хотел позвонить,
забыл номер.

Вспомнил,
хотел позвонить,
но отвлёкся.

Уехал,
хотел позвонить,
не успел.

Приехал,
звонить не хотел,
позвонил.

Спросила,
где долго так был,
не ответил.

Уехал,
звонить не хотел,
позвонила.

Услышала
в трубке гудки,
промолчала.

Спросил бы,
чего позвонила,
не знает.

***
По берегу идёт старик
по берегу идёт старик
идёт старик
идёт идёт
идёт старик
старик старик
старик по берегу идёт
идёт старик
и это я
и я по берегу иду
иду иду
старик идёт
и это я
и я иду
иду иду
и я по берегу иду
идёт старик
и мы идём
идём он я
он я и мы
и мы по берегу идём
кто он кто я
кто я кто мы
и кто по берегу идёт
идёт по берегу старик
и я иду
иду иду
и он идёт
идёт идёт
идёт старик
старик идёт
идёт по берегу старик

***
Я – еврей, но не православный,
я – русский, но не ветхозаветный,
я – татарин, но не самостийный,
я – хохол, но не правоверный.
И я живу
с головой еврея,
с туловищем русского,
ногами татарина,
руками хохла.
И кем я деланный,
и чем я деланный,
зачем я деланный,
и кто я есть?
Мой еврей торгует и лукавит,
мой русский спит и ждёт нововведений,
татарин занимается разбоем,
хохол пытается всех обмануть.
И мне всегда
приходится считаться
с русским евреем,
с еврейским татаринном,
хохлацким русским,
татарским хохлом.
А кто, скажите мне, ответит
за еврейского русского,
за русского татарина,
хохлацкого еврея,
татарского хохла?

***
Она стояла на остановке.
Ничего не делала, просто стояла,
и наблюдать за ней можно было только со спины.
Но как стояла?
Прямая линия
от седьмого шейного позвонка до пятки
составляла идеальный перпендикуляр к асфальту.
А слева и справа от этой линии
творилось что-то невероятное.
Бёдра, вздымаясь и ниспадая,
чертили такие виражи,
что меркла, пожалуй, формула номер один,
другие формулы и параграфы
с обмороками, головокращениями,
непредсказуемыми поворотами,
восторгами и поцелуями.
А плечи, они же лопатки,
покачивались, как весы, и на этих весах
взвешивались робкие, разбуженные порывы,
почти полёты фантазии.
Лопатки-крылья, крылья бабочки.
А ниже: ягодицы составляли другие весы,
по откосу к верхним,
и уже на этих весах
теснились другие страсти и желания,
крутые, неуёмные, безответные.
Она стояла на остановке,
перед переездом у шлагбаума,
за ней наблюдал весь автобус.
Долго тащился железнодорожный состав,
мужчины привстали с мест
в нетерпении,
когда же он, наконец, пройдёт,
длинный-предлинный, громяющий,
лязгающий, большегрузный, порочный,
и автобус тронется с места.
В своё время так всё и случилось.
Подняли шлагбаум,
встречный автобус подошёл первым,
она вошла и уехала.
Наступило облегчение,
движение было восстановлено.
Она стояла на остановке.
Просто стояла.

***
Один сапог – сапог,
один сапог – это два сапога
без одного,
т.е. один сапог утерян
или оторвало ногу.
Два сапога – это два сапога,
не больше – не меньше,
цифра законченная.
Три сапога – это два сапога
плюс один,
один запасной.
А дальше: столько сапог –
сколько надо,
столько сапог –
столько будет в наличии.
Один автомат – автомат,
два автомата – пара,
и т.д. – по счёту.
Из одного автомата можно стрелять,
стрелять в кого-то
и во что-то,
в человека, волка, дерево
или в пустоту,
или застрелиться.
Два автомата – это стрельба
только в цель,
два автомата – это война.

***
По карнизу ходит голубь,
по карнизу ходит ворон,
ворон голубя не видит,
голубь ворона не слышит,
но за ними наблюдает
кто-то из окна напротив,
ловит каждое движенье,
так случилось – это я.
Вот уже седьмые сутки
из одной и той же точки
я смотрю, как ходит голубь,
как навстречу ходит ворон –
влево-вправо, вправо-влево,
взад-вперёд, туда-обратно,
пауза – не уследить.
Голубь чистит клюв и смотрит,
ворон молча рассуждает,
мне сменить бы точку зренья,
перейти в другое место,
я бы болен и невольно
вижу только то, что есть.
А сегодня рано утром
я взглянул и обнаружил –
пуст карниз, всё опустело,
нет намёка, что недавно
было что-то здесь иначе.

ОДНОСТРОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

***
Одно строчное стихотворение.
***
Одно срочное стихотворение.
***
Одно точное стихотворение.
***
Одно очное стихотворение.
***
Одно сточное стихотворение.

ОДНО ТОЧЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

.....

из « бессоницы »

3

выпала вселенская ночка
в комнату набились комары
за тридевять земель и гдов и опочка
как впрочем и остальные миры
за тридевять земель ты
спишь на диване
на расстоянии вытянутой руки
ты что-то бормочешь
так вода в кране
бормочет по поводу пустоты
радуга всеночную отстояла
был сумасшедшим закат
мотылек садится на одеяло
и поступок этот чреват
да и жизнь чревата в целом
любовью болью терпением телом
которое совершенно как нота "ля"
жизнь чревата смертью
и между делом
карстовами пустотами чревата земля
воздух и торричеллиева пустота
кроются в порах тела
дождевой червь роет землю
почуяв воду
так и ты при виде чистого листа
землю роешь почуяв свободу...

6

личная жизнь короче
воробьиной ночи
короче жизни ничего не бывает
в палате мер и весов вода прибывает
эталон жизни как эталон меры
лежит в футляре
его протирают от смога и серы
а жизнь убывает
от начала к концу
это происходит ежедневно на московском
проспекте
во дворе техноложки
бродят студенты доценты кошки
дивы которым к лицу
ноги от самых ушей
термометр показывает градус жизни
часы время
неприкаянный и ничей
заходишь в кафе интернет съедаешь салат word
выпиваешь чашечку кофе
молодой народ
висит во всемирной паутине
ищет виртуальных партнеров
не замечая тех кто рядом
блуждая виртуальным взглядом
за линией горизонта
в южном полушарии
для этого не нужно пересекать эвкинского понта
ни на паруснике ни на воздушном шаре
пенелопа ждет одиссея
ушедшего в плавание по интернету
телемах подросток одиссей как бы в доме
но его как бы и нету
и нету гомера чтобы пройтись по такому сюжету

8

большое время пульсирует в висках в зерне
в капле росы в божьей птичке
во вне
в пригородной электричке
которая отправляется с московского вокзала
времени мало
для жизни любви только времени смерти
как чернозема под ногами
прикасясь к тебе губами
вдыхая твой запах

боготворю пах
без коего б просто зачах
скитаясь по свету
большое время равное скорости света
шелестит стихами ветхого завета
проезжая в маршрутке
по дороге жизни
покупая гамбургеры джакузи
прожигаем время грузим
себя балластом
астры
как оловянные солдатики
застыли в вазе
живем под знаком пива прокладок с крылышками
которые как грек гермес
влетают к нам не касаясь небес
и исключительно жизни для
в подземном переходе учителя
эстетики грамматики математики
сортируют бутылки
солдат затылки
стрижены под машинку
мальчишки заходят в ложбинку
и их больше нет
привет
время не годное
для проживания
бежит вместе с током
недремлющим оком
обозревая миры
правила игры
не меняются от времени года
от времени суток
личное время с испода
лохмато как тулуп да
жарко душно и не до шуток
беспорядочные дети без роду без племени...
запускаем бумажные кораблики слов
бороздить океаны времени...

9

ландшафт тела
как ландшафт местности
поросшей кустарником чертополохом
это ни хорошо и ни плохо
складки на местности оставляют эпоха
ледника мезозоя или что-то другое
трава выгорает от палящего зноя
по ложбинам тянутся тени
твои колени
глянцевые от прикосновений
сияют как две луны
мы влюблены
друг в друга
в ландшафты восточного крима
когда мы проходим мимо
самих себя лежащих за мысом хамелион
мы склоняемся во всех падежах
в воздухе звон
от цикад шелеста ветра
солнце как падишах
восседает на троне неба
у нас с собою краюха хлеба
персики абрикосы
на ландшафт наших тел чайки смотрят косо
поскольку плавки и иные фрагменты
висят беспомощно на кустах
а нам нет дела
что они скажут
поскольку ландшафты тела
становится частью пейзажа

поклонная гора

*Пора, мой друг, пора...
А.С.П.*

1

пора мой друг пора
поклонная гора

молочная сестра
горы другой - голгофы
шььем болгарский крест
жизнь есть начальный текст
вселенской катастрофы

2

цепляя сердца край
за кручи на синай
ползет ползет трамвай
и сыплет искры долу...
ветхозаветный звон
стекает под уклон
к киоскам с пепси-колой

3

адам сухой как перст
молчит и землю ест
но уходя во тьму
он должен бросить семья...

ни Духу ни Отцу
но Сыну- сорванцу
на золотом крыльце
открыло двери время...

***

*Коломна, Апрашка,
Промзона
Парнас...
Т. Буковская*

я пред собою виноват
я сам себе и враг и брат
пустыня внемлет Богу
а здесь в апраксином дворе
разлегся молох на жаре
и точит коготь...
нет *не кремнистый путь*, отнюдь,
скорее пивоморокжуть
метана трупный запах
зрю наше время вот оно
ни духа ни бородино
но лохотрон и домкино
и никого нет в латах...
ах, я обманываться рад...
в крови моей сознаться яд,
и время жалит душу...
когда вселенная молчит
звезда с звездюю говорит
я этой жизни трушу...

***

чаек крики
шум прибоя
и повсюду блики блики
и лицо воды рябое
гребней шрамы или стыки
оспины воды веснушки

Пасха небо голубое
и полдневный выстрел пушки

мир сливается и блещет
ярко как в калейдоскопе

птицы вещи люди вещи

мы лежим с тобой в раскопе
меж суглинками в песочке...

откопают псков опочку

а над петербургом топи
и ни ангела ни строчки...

ИЗ ЖИЗНИ УХОРЫЛЫХ (КУЛЬТОВЫЕ РОССКАЗНИ)

Отрывок из неопубликованной книги. Печатается с сохранением авторской пунктуации.

23. В ресторане

В ресторане на эстраде белокурый пел женским голосом.

- Полуночники мои, певики земные, что глядите на меня, нежноголубые?
  - Шарлотка по королевски готовится так – объяснила королева шефу, – из оливки вынимается косточка и внутрь кладётся анчоус. Оливка кладётся в вальдшнепа. Вальдшнеп в куропатку. Куропатка в фазана. Фазан в утку. Утка в гуся. Гусь в индейку. Индейка в тушу барана. Баранья туша в тушу вепря. Вепрь в говяжью тушу. И всё печётся на вертеле.
  - Записал – собрался спрятать книжечку шеф повар.
  - Но как утверждает Михаил Фёдорович Ерёмин, есть только оливка. Всё остальное выбрасывается. Лишние калории.
  - Слушаюсь – добавил строчку в запись шеф. – Минуточку придётся обождать, пока испечётся
  - Шесть шарлоток, сила в пле. И белого вина к ним.
Суггестий смешал сушняк бордовый бордосский уксуснокислый с аперитивом, заглотал и запел.
  - Мы так близки, что слов не нужно, чтоб повторять друг другу вновь...
Мамка подхватила базарным голосом:
  - Я прошу тебя, милоч, надень на морду мой чулок, чтобы тебя не видели, кто хочет твоей гибели!
Она уронила голову в трёхэтажную тарелку между двумя наборами инструментов для еды и закуски.
Соседи слева презрительно сгрудились у своего стола, Зато соседи справа подпели:
  - Веселья счастье, боль разлуки хочу делить с тобой всегда!
Они с поднятыми бокалами подошли к Суггестию, дружно пожали ему руки и расцеловали.
  - Ты гей? – радостно удивилась Фанта. – А то у нас ещё в третьем классе все голубые перевелись в мужскую школу.
Путя набросилась на игровой автомат и прикипела к нему.
  - Я не гей – зыркнул в сторону дам Суггестий. – Но эти соседи – иностранцы. Не то греки, не то грузины. Южной страны посланцы. Пришлось закамуфлироваться ради весёлого кира и дружбы со всеми народами мира.
  - Будем жить день у мамы, день в подвале. У нас там видик. Мы гоним порнуху – заболтала ногами Фанта. – Мы с Путей его незаметно спёрнули из фирменного шопа, пока продавщица отвернулась. Мы даже иномарку с Путей вчера угнали. Но она в жестянку превратилась.
  - А гречневой каши дадут с шарлотками? – крикнула через весь зал Путя.
  - Интересно, сколько она получает? – устала Фанта на раздевавшуюся на эстраде стриптизёршу.
  - Да уж не меньше, дочка, тыщи баксов ночка – закусил ерша Суггестий.
  - У Диоклетиана я за это получала по две тысячи за вечер – вспомнила Голодея. – Выходя на подиум бань Каракаллы, все взгляды обращались на меня.
  - Я тоже, когда вырастут волосы под трусами, буду раздеваться в ресторане – взяла столовой ложку икру школьница. – Сделаю я себе между ног такую же стрижку, как у этой простигосподи, и будешь ты меня каждый день в ресторан водить, вместо того, чтобы на кладбище или у ларьков бухать – прижалась к Суггестию Полимера.
  - Значит обеды готовить мне, как и раньше, не будешь вполне – сделал себе ещё ерша Суггестий.
  - А ты всё равно жрёшь, только бухнувши – соорудила бутерброд Полимера. – Здесь и похмелиться и, может, поест сразу дадут. И посуду мыть не надо.
  - Очевидно, да. Будет и еда – откусил бутерброд супруг.
  - Я тоже не терплю мыть посуду. Поэтому ни разу в жизни не мыла – сотворила из воздуха веер княгиня-королева.
  - И я – присоединилась Фанта. – И стирать не выношу.
  - Купите высокочастотную печь, посудомоечную и стиральную машину, и будет у вас не хуже, чем здесь – посоветовала королева Голодея, она же Энн Ти Эйч.
  - Так это же мне сколько лет надо горбатиться и копить, чтобы всё купить – всполошился Суггестий.
  - А ты не горбись – пришла Путя за новой пачкой денег для автомата. – Устройся на посудомоечную работу, сразу же посудомоечную машину сопри, уволись и переходи на стиральную фабрику.
  - И фен не забудь – напомнила Полимера. – Я решила голову выкрасить в голубой, а между ног в светлосиреневый.
И причёску везде с феном сделаю.
  - И фен украсть?
  - Не покупать же? – удивилась Фанта. – Все воруют, а ты один покупаешь.
- В зал из кухни ввезли шесть тележек с румяными говяжьими тушами. Метр показывал, куда рулить. Оркестр играл туши. На отдельной тележке везли гречневую кашу. Официант попытался разрезать бечёвку на брюхе вола. Столовый нож не брал. Слишком тупой. Другой побежал в буфет за острым. На эстраде здешний артист начал изображать топ звёзд поп музыки: Валгаллу Стругачёву, Сальерия Клионтьева, Крашу Разбудину, барона Шашу Гозенбаума. Жареная туша растопырила обручленные ноги и, кажется, была довольна. Официант принёс острый, как бритва фирмы Джиллет, нож и примерился.
- В эту секунду пуленепробиваемое стекло ресторанной витрины пробила граната из гранатомёта, вонзилась в тушу и разорвалась. Туша тоже разорвалась. Официанты во главе с метром оказались в мясном соке и кусках говядины, свинины, баранины и птицы. Клиенты полезли под столы, Метр поглядел сквозь окно успокоительно поднял над головой белую салфетку.
- Ничего страшного. Обычная разборка между преступными группировками.
  - Вторая граната разорвала на куски артиста, певшего голосом барона Гозенбаума:
  - Гоп-стоп, ты не грусти! Гоп-стоп, печаль свою ты отпусти!

24. Всевышний

Всевышний колоду сгребает. Сошёлся Божимаз. За столетие третий раз. Видно, Сатана опять договор нарушил Соблюдательной Комиссии.

- Эй, архангелы! Поновее у кого труба? Поглядите, что на земле творится там!
- Воруют, убивают, насилюют – архангелы перечисляют.

- А в России?
- То же самое. Поинтенсивней чем кругом только.
- Попристальнее глядите!
- Бырдаков генерал братъ поехал Хвоста руководство – докладывает один.
- А генерал Спинжаков убивать поехал президента своего – всматривается другой.
Задумывается Всевышний.
- Сына зовите. Его ипостась пусть с моей сольётся и Святого Духа ипостасью! Летающие готовьте тарелки! – вдруг приказывает он.
- Скольчо, Адонай Элоимович? – высовывается из спецхрама, где древности изучает, архангел Михаил.
- Не Адонай Элоимович, а Его Всемогущество Элоим Адонаевич Савваоф-Аллах-Яхве – сухо Всевышний поправляет. – Все готовьте!!!
- Бу сде – козыряет Михаил.

25. Голодея

- Голодея прикрыла собой Фанту и Путю. Над столами свистели пули. Из-за окон доносились взрывы и выстрелы. Там спецназовцы в пятнистых штанах и рубахах, под противогазами с чёрными чулками на лицах убивали друг друга.
- Ещё одна говьяжья туша разорвалась от гранаты, облепив сидящих, не прячась, иностранцев за соседним столом. Тамада с залитыми мясным соком лицом и манишкой поднял фужер.
- Выпьём за жизнь! Ведь на улице столько улыбок и веселья
  - Бырдаковские, чтобы не стрелять по своим, договорились снять штаны и воевать без штанов. Тем более, что чёрные чулки были и на лицах наёмников заокеанских банкиров, а бронеподгузники не защищали даже от среднего калибра.
  - Молитесь, девственницы, – вздохнула Голодея. – Наши молитвы не услышат. Мы, старики, слишком грешили.
  - Молитесь – сказали Полимера и мамка, крестясь. – А то нас, грешниц, Бог не услышит.
  - Колдуй, баба, колдуй, дед, заколдованный билет – заголосили Фанта с Путей. – На билете можно спать, чтобы чиру наказать!
- Три, два, один, пуск! – вещает Единый Отец-Сын-Дух Святой, улавливая среди стрельбы голосочки безгрешные.
  - Красиво летят! – увидела Фанта в небе вереницу летающих тарелок.

Из тарелок высаживался небесный десант в белых чулках на головах. Десантники, не сгибаясь, с ангелоголосным пением двинулись строем на спецназовцев.

Сочный бас Владимира Святого Равноапостольного вторил.

Над городом явственно слышалось:

Нет, Бог не позабыл вас, россияне.

И Божья Матерь молится за вас.

Исус Христос танцует весь в сиянье.

И радуется, что Россию спас!

Огонь из всего крупно и среднекалиберного оружия сделался сплошным. Но белочулочные его не замечали. Они рубили огненными мечами всех на своём пути.

Бырдаков посмотрел на часы. До взрыва Хвоста, Госдумы, Совета Федерации, Конституционного Суда и прочих постсоветских учреждений оставалось несколько секунд. Он уже мысленно повторял слова указа:

– С сегодняшнего дня ликвидируется частная собственность на землю, недвижимость, твёрдую валюту и всё остальное достояние народов Российской Федеративной Советской Большевицкой Империи. Всем народам ближнего и дальнего зарубежья разрешается свободно поднять Знамя Пролетарского интернацио...

В этот момент лопата белочулочного десантника резанула его по шее.

Бырдаков взвился в воздух. Внизу на асфальте лежало его тело с отдельно валявшейся головой. Бырдаков нырнул в тоннель. В конце тоннеля было ещё темнее, чем при входе.

– Мало, видимо, наши платили Моуди – подумал Бырдаков. – Врал всё в рапортах, разгребай заокеанский. Ударился об что-то! О небо, что ли?

Начальник охраны президента генерал Спинжаков прицелился в затылок не желавшего просыпаться, пьяного в дым Олкозельцына.

– Пиши, алкаш члеров: «Находясь в трезвом уме и такой же памяти, слагаю свои полномочия и назначаю генерала Спинжа...»

В этот момент лопата-сапёрка белочулочника пронзила его спину. Спинжаков полетел в тоннель. Впереди была чернота.

Над городом раздвинулись облака и на небе в лучах явилась голо- графическая одетая в ризы Божья Матерь. Она не то грозила, не то манила пальцем.

– Скоро я вас покину – вытряхнула из-за корсажа залетевшую туда не то человечью, не то баранью кость Голодея. – Тут а лёр. Бьенто. Но я не хочу, чтобы вы меня забывали.

Фанта ухватила на лету что-то вроде гусиной ноги, откусила и оставила Путье.

– Мне сдаётся, что в мою шарлотку враги запекли овчаркину ногу вместо овечьей ноги – осмотрел свой огрызок Суггестий в темноте подстоля.

– Наверное, повар китаец или кореец в этой тошниловке – предположила, нагибая голову от очередного взрыва, Путя.

– Вот это кредитная карточка «Эмералд Экспресс» – вытащила из-под подвязки чулка квадратик изумруда королева лопат. – Если что надо, скажите какое-нибудь заклинание и всё сразу исполнится. Так что ничего воровать не надо. И грабить, девочки, никого не грабьте. Давайте я вас поцелую. Мне с вами было тре жולי шаке миньют. И тебя, Полимера. Может, увидимся. Когда-нибудь апре. До скорого рендец воуза, как говорят в России. И тебя, Суггестий, поцелую. Успели всё-таки проститься.

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

КАЖДЫЙ САМ ПО СЕБЕ

Эдуард Шнейдерман и Елена Пудовкина представляют не только разные поколения, но и разные направления, разные поэтические системы.

Игровая, логически выстроенная манера стихового письма Эдуарда Шнейдермана .начала складываться в 50-60 годы под влиянием Семена Кирсанова, потом под влиянием обериутов. Возможно, Эдуард Шнейдерман – наиболее последовательный «формотворец», а его словесные коллажи «купипромамы» следует считать последними постмодернистскими текстами, где всё – цитата, где как бы отсутствует авторский голос, но наличествует могучая авторская воля. Для поколения, к которому принадлежит Эдуард Шнейдерман, «формотворчество» было сутью и смыслом поэтического мастерства. Соснора, Кузьминский, Кондратов, Виноградов – имена поэтов, в чьем творчестве форма часто преобладает над соблазном повествовательности. Но в «СтихоОпытах» Эдуарда Шнейдермана есть еще одна важная составляющая – внутри стихотворного текста присутствует и комментарий к нему, причем комментарий настаивает строку мгновенно, вступает с ней в диалог, требует опровержения или дополнительного комментария к комментарию. Многослойная филологическая композиция не лишена иронии, но ирония возникает из внутритекстовых отношений, а не привнесена извне. И эта «филологическая ирония» несомненно уникальная особенность творчества именно Эдуарда Шнейдермана – текстолога, архивиста, комментатора, составителя антологий. «АКТ» представляет тексты 70 – 90 гг. и новые стихи, тем самым давая возможность читателю увидеть движение поэта внутри избранной им системы. Стихи Эдуарда Шнейдермана «ходили» в самиздате с конца 50-х годов, были опубликованы в самиздатских журналах «Оптима», «ЛЕА», «Часы», антологиях «Острова» (одним из составителей которой был Э.Ш.), «Лепта» и др. Они представлены в таком своде текстов, как «Самиздат века».

Елена Пудовкина – большой поэт, поэт тютчевской силы, тютчевской мудрости. Её стихи – диалог со стихиями или, если угодно, избличение «родства со стихиями», её «безтроповое» письмо, практически лишено привычных метафорических завитушек и обладает редким свойством метафизической простоты и прозрачности, в них присутствует Бог не как сюжет, не как адресат, а как основа мироздания. Стихи не рядятся в одежды «первотекстов», они не стилизованы под духовные песнопения, под библейские стихи, но в них есть высокий дух великих текстов, в них есть Божественное слово, сказанное в достойной большого поэта простоте. /Пустыня, море, небеса/ не с нами говорят, а с Богом./ Не к нам возносятся голоса/ леса, почувствовав тревогу./ Для них, – для рек, лесов и гор,/ мы рябь, чуть тронувшая воду,/ мы – не творцы, мы – тень природы,/ мы – эха с эхом разговор/. Эти строки равны по значению, по силе, по философии своей разве что тютчевскому «Не то, что мните вы – природа...» Россия расточительна. Современная история литературы выстраивает колонны и шеренги имен, довольствуясь ясно видимым и хорошо на большом расстоянии слышимым и тем, что само по себе бросается, если не в глаза и уши, то под ноги. В противность утвердившемуся среди литераторов старанию быть на виду, Елена Пудовкина, кажется, делает всё от нее зависящее, чтобы не быть замеченной в какой-либо суете. Её стихи вошли в самиздат в 70-80 годы, они публиковались в «Обводном канале» (отдельным приложением выпущена книга), «Часах»... Сборник стихов, тамиздатский, вышел в Австралии в конце 80-х небольшим тиражом и представляет собой ныне библиографическую редкость. Этой публикацией «АКТ» настаивает на необходимости серьезного знакомства читателя с одним из талантливейших поэтов нашего времени. Надеемся в ближайших номерах напечатать новые стихи Елены Пудовкиной.

Тамара Буковская

Нине

Деревенское дерево песню споёт
про скворца, соловья и синицу.
Кто-то выйдет из дому, зарю уберет,
и немедленно даль прояснится.
А вдали, а вдали...Но об этом – потом.
А вблизи – урожайное лето
и грибные места, и бревенчатый дом,
а вдали..., но не будем об этом.
Потому что пора за воюю иди,
и проснулся журавль у колодца.
И так жадно мы пьём по утрам из горсти,
как из Леты забвение пьётся.

* * *

*«пошли мне сад
на старость лет»
М.Цветаева*

1.
Напоследок стих заселят птицы,
терпеливо прорастёт трава,
и простые млечные слова
будут размножаться и плодиться.

Наконец, многоголосый лес
высказаться сможет, на бумаге
проступить, как знаменье на флаге,
сном земли и семенем небес.

И пускай, корнями за страницу
уцепившись, и забыв о ней,
лес встаёт, и в нём на старость дней
беглый раб надеется укрыться.

2.
Никто нам сада не пошлёт на старость лет.
Есть мёртвый лес. А будущего нет, –
об этом я давно подозревала.
И плоская земля окружена провалом
со всех сторон. Ну а у тех дорог,
которым не сдержать стремительного бега,
в конце пути – увы – один итог:
гора костей, разбитая телега.
Так для чего же нам записаны в сердцах
слова об огненной летящей колеснице?
Иль этот сад, который только снится, –
и есть любовь, что побеждает страх?

* * *

Пустыня, море, небеса
не с нами говорят, а с Богом.
Не к нам возносят голоса
леса, почувствовав тревогу.
Для них, – для рек, лесов и гор,
мы – рябь, чуть тронувшая воду,
мы – не творцы, мы – тень природы,
мы – эха с эхом разговор.
Я знаю, были времена,
к нам шли гонцы от гор и леса,
чтоб рыб морских и птиц небесных
мы называли имена.
Но где ж ты, сад садов, Эдем,
и детство, названное раем?
Я снова плод познания ем,
для вечности себя теряя.
Отходит море. А за ним
уйдут земля и небо к Богу.
Лишь нам Эдемский херувим
мечом прегородил дорогу.

* * *

Переменчивость дня –
превращений привычный порядок,
где достойных причин
никогда не бывает и нет:
просто – синяя женщина
вышла из чёрной парадной,
папироску достала,
а значит – начнётся рассвет.

ДВОР – МАСТЕРСКАЯ
Немелодичен двор. То жесь о жесь
скрежещет. То ребёнок косоглазый
два поля зренья должен видеть сразу
и, как зверёк, дрожит, и дыбом шерсть.
Привыкли здесь ковать за звуком звук:
истерика ребёнка-подмастерья,
крушение чьей-то утвари за дверью –
рабочий шум и дело наших рук.
Бери, Заказчик, страшный и великий,
изделия Твоего двора-калики:
скудельные псалмы, из глины и земли.
Но не казнить, а миловать вели.
Честны труды, честны труды двора, –
мелодия для ангельского хора
готова. И сквозь горло коридора
пропущена. И петь её пора.

* * *

Огонь имеет страсть и тем уже не страшен.
Не больше, чем любовь, губительна вода.
Но на краю земли, у азиатских башен,
песок, песок, песок вступает в города.
Взошедший на костёр в огне же и воскреснет.
О пленниках своих волна всплакнёт не раз.
Лишь в пении песка, в его тоскливой песне,
ни слова нет о том, что ожидает нас.

* * *

Художнику Валентину Левитину

Кувшин убогий, с пересохшим горлом,
сам, в форме памяти, себе растит цветок,
чтоб сумрачный украсить закуток
и двор в подтёках за окошком голым.
Здесь неоткуда зачерпнуть воды
живой. И в семенах таится тленьё.
Но форма, форма молит о спасеньи.
Мольба услышана: вот – ваза, в ней – плоды.
Но – не движение, не жест, не звук, –
всё те же сумерки и двор в поту простуды.
Ни одного свидетельства о чуде
нет. Кроме радости. И полнота сосуда –
дела не наших рук.

ПЫЛЬ

Мы привыкаем к появлению пыли.
Оставишь лист – к утру усыпан весь.
Как- будто принесли кому-то весть;
Пока несли – мы азбуку забыли.
Жилица тихая, хранительница были
столь мелкой, что не то, чтобы прочесть –
понять нельзя – где смысл какой-то есть
в её пометках, скучных и унылых.
И лишь весной, когда всему расцветь
позволено; когда лучей не счесть,
и в каждом (наподобие бутылки)
дрожит пылинкой солнечная звесь,
мы видим вдруг, как прожитые здесь
мгновенья, отлетая, осветились.

* * *

К утру вернётся в раму натюрморт,
и все изображённые предметы
спокойно встретят наступленье света.
Не умирать же в самом деле от
тех перемен, что происходят с нами.
И, просыпаясь, мы не знаем сами,
в какой вовлечены круговорот.

Творец свободным мир изобразил:
плоды преобразуются в планеты
и в ночь летят, а дальше правил нету.
И лестницы нам снятся, но перил
лишаются, нас заведя высоко.
И в головокружении жестоком
жизнь длится и своих страшится сил.

* * *

Сегодня тучи, молча, без чудачеств,
как служащие люди, шли.
Кружным путём, как ходит неудача,
куда-то их уступы крыш вели.

А где же дождь, божественный огонь
летающих молний? злой судьбы удары?
Любая тварь, как некая ладонь,
ждёт благодати и страшится кары.

Но мы живём на брошенной земле.
И наши будни выросли во зле.
А если что и промелькнуло в тучах –
то эти знаки ничему не учат,
лишь мучают всю протяжённость лет.

* * *

Мне так знакомы трубы за окном,
вернее, так друг другу мы знакомы,
что одинаково поём.
И песни в горле комом
и копотью осели. Не смотри
никто на нас: черны мы изнутри.

Вот, вотчина моя: антенн сухие колья...
Но приглядишься: это ль не раздолье?
Вот, кошка-зверь нырнул в чердак-нору.
Мне трубы – как собратья по перу.

Слова то стелются, то в вышине маячат,
По склонам крыш к земле стекает грязь.
Как-будто небеса идут по ней, слезясь.
Как-будто мы живём на небе, плача.

* * *

Уходит день от нас по небосклону.
Ещё немного – я пойду вослед.
Жизнь в извесь выпала, и нишею оконной
она мне кажется. А что до прежних лет –

то сухонькие шелестят в шкафу листы,
желтеют по краям их мелкие черты.
И я, всмотревшись, узнаю не сразу:
все строчки шуряются, а были кругоглазы.

Судьба их тяжела. Они, не видя света,
с ума сошли и счастливы вполне.
Дню уходящему я объясняю это.
Дню уходящему я говорю, что мне
наскучило смотреть ему вослед из ниши –
не статуя же я! А он мне: тише, тише...

* * *

Петербургских подворотен перекошенные рты
нас засасывают, словно мы – бумажные цветы,
нас обсасывают, словно мы – не люди – леденцы,
среди сора городского, сплетен, сутолок, грязицы.
Кто ходил за Крысоловом, укрываем темнотой,
пеньем дудки или словом, или просто красотой
очарованный, тот знает удивительную страсть:
заблудиться, затеряться, в складках времени пропасть.

* * *

Покуда в мельницу не попадёт зерно,
ещё, возможно, прорастёт оно,
свой дар, возможно, возвратит сторицей,
пройдя, как писано, путём зерна.
Но если уж попало в обмолот,
и жернова неумолимый ход
чудесным образом не прекратится,
то – что ж? И дальше тоже жизнь дана:
смешались в общем хлебе имена,
чтобы в Христово Тело претвориться.

ВЕЩИ

Забываются вещи, витают неведомо где
в расстановке нелепой, друг друга касаясь углами.
В состояньи самаджи? В нирване? В прадедовом хламе? –
я – то вещью кажусь им, то брошенной тенью людей.

Шкаф морёного дуба земной не тревожит удел,
ибо ветви его простираются за облаками.
Венских стульев четвёрка, как стайка старух, каблуками
приударила б, да замерла навсегда в па-де-де.

И казалось, давно бы здесь должно случиться беде:
несогласие замыслов, несовершенство идей,
зародившись в сознаньи, – в материи вызовут пламя.
Но молчание вещи похожи на спящих судей,
коим так надоела невнятица наших путей,
что трельяж небеса отражает тремя зеркалами.

* * *

Тысячеглазый ангел нелюбви
к нам прилетел, хоть мы его не звали.
подметил всё, сказал: «В каком развале
вы здесь живёте». Пятна проявил
на скатерти. И по губам прочтя
слова, дрожащие на острие обиды,
обрадовался. Но не подал виду,
что рад. Глазами поводил, хотя
всё пахло смертью. Ни одна деталь
не устояла под холодным взглядом:
стакан сознался, что наполнен ядом,
кошмаром – зеркало, а тихая печаль –
отчаяньем. Не знаю, до чего
довёл бы гость, на всё смотрящий косо,
пространство комнаты, наш кубомир и космос,
когда б ни заскрипела под ногой,
когда б ни закричала половица
о том, что собиралась проломиться,
потом – о том, что из последних сил
держалась бы, когда б ни наступил
час нелюбви; потом – о том, что пятна,
конечно, мерзки, но бывают дни,
когда поют о хаосе они,
и слушать их и страшно, и приятно.
Ещё – о том, что безопасен яд,
накопленный в сознании стакана,
что зеркало пугливо, и что тканю
из разных нитей, из всего подряд
разреженное облако печали.
И что любовь, любовь была вначале.

* * *

Где-то в дальнем краю, во владеньи Бориса и Глеба
есть немного земли и людьми неоткрытого неба.
И когда я умру, а вернее – когда я отчаюсь,
я приду посмотреть, как деревья на ветках качают
то гнездо, то звезду. Я приду посмотреть и послушать,
что земля говорит и трава для имеющих уши.
А чтоб даром не брать ни воды, ни крестьянского хлеба,
я наймусь лошадей сторожить у Бориса и Глеба.

О НОВОМУЧЕНИКАХ

Были и те, чей единственный след – это свет
над мерзлотою, над тундрой, где мощи хранятся;
на деревянных табличках ни даты, ни имени нет –
будут теперь номера вписаны в святцы.
Так и ушли, и ушли, не оставив имен,
как, вероятно, молитва уходит на небо:
авторства нет, но отслужена светлая треба,
автора нет, но и лагерь, и край осиян.
Хлеб отдавали тому, кто нуждался сильней,
утихомирив овчарок кроткою речью,
и отмолив нашу жизнь, восскорбевши о ней
ночью полярной, оцепленной, нечеловечей.

* * *

Свящ. Павлу Адельгейму

В храме Жён Мироносиц, вернее, в развалинах храма
снова служба идёт, и молитва уносится прямо
в оголённое небо. И тщетно крыло херувима
укрывает колонну: он – нет, а она – уязвима.
Отлетели от стен шестикрылые в оные годы,
но сегодня вернулись они под церковные своды.
А внизу, а внизу собрались разведённые жёны,
чьи разрушены души не меньше, чем эти колонны.
Как светильник зажечь, если вместо лампы – осколки?
Но стоят перед Богом военной поры комсомолки.
Пустота ли вокруг? Или Чуда душа не вмещает?
«Он не умер, – воскрес!» – мироносицы нам возвещают.

НА ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ

Крещенское небо открыто для наших молитв.
А наши молитвы, как мы, как прихожане храма,
в едином стремленьи теснятся высоко над нами,
толкаясь, летят, спотыкаясь, и каждая шепчет: «болит».
И ты, моя боль, улетай к Врачевателю всех,
о ближних моих расскажи и о дальних поведай.
Есть чёрные зёрна – в них зреют грядущие беды –
откуда берутся, как плевелы в добром овсе?
Небесные силы любовью живут меж людей.
Отверстое небо в открытые души нисходит.
И меркнет дорога, манящая душу к беде.
Нас ангел Господень над замершей бездной проводит.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 11

Спаси меня, Господи, ибо вокруг ни души.
Ближайшему каждый солжёт и того не заметит.
Нет верных меж нами, И велеречивейшей лжи
расправлены сети.

Не знаю, когда, но я знаю: Господь истребит
позорящих слово, владеющих страшной наукой
слова сопрягать, чтобы нищие души ловить
приманкою звука.

Слова Твои, Господи, чистые, как серебро,
от рода сего сохрани, переплавить не дай на монеты.
Где низкий возвысится – в мышь превратится герой.
И правых здесь нету.

Из книги

«СТИХОПЫТЫ»

МОНОЛОГ СКУЛЬПТОРА
ЛЮБЫ ДОБАШИНОЙ

Люблю делать скульптуру
леплю какую люблю
скульптура дело любви
дело скульптуры любовь
скульптуру делать любить

Люблю делать скульптуру
делать скульптуру любви
скульптурой делать любовь
делать любовью любовь
хочу лепить любить
1975

НАДО ЖИТЬ ВСЕМ *НАДО ВСЕМ*

надо жить всем *надо всем*
всем жить *надо всем* надо
надо всем всем жить жить

жить надо *надо всем* всем
жить *надо всем* всем надо
надо всем всем надо жить

всем-всем *надо всем-всем*
всем *надо всем-всем* надо
надо всем-всем всем жить

всем-всем жить *надо всем*
надо *надо всем* жить надо
надо всем надо надо жить

жить жить надо *надо всем*
жить *надо всем* жить надо
надо всем жить надо жить

всем жить надо *надо всем*
надо *надо всем* всем надо
надо всем надо жить жить

жить жить всем *надо всем*
жить надо *надо всем* надо
надо всем жить жить жить
05.2002

А.ПУШКИН. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР:
ЧЕРНОВИКИ, ВАРИАНТЫ

Выпьем с горя; где же кружка?
Выпьем с горя, да покрепче.
Выпьем с горя, да покруче.
Выпьем кружку, да вторую.
Выпьем, что ли, кружку спирта.
Кружку спирта в чистом виде?
Выпьем спирта граммов десять.

С горя можно граммов двадцать.
Выпьем водки. Есть потребность.
Дайте водки и закуски.

С горя можно два по двести
и сардельку... Где же деньги?
Выпьем?... – В брюках ни юаня,
ни занюханного цента.
Выпьем трошки! Где же драхмы?
Нет в карманах ни обола.
Выпьем кружку на полушку?
После как-нибудь, в получку.
Ни поллитры, ни чекушки,
ни копейки, ни полушки.
Выпьем плиски? Нет в заначке.

Выпьем бренди? Нет в помине.
Выпьем виски? Где же спонсор?
Выпьем, спонсор! Где же виски?
Нет в буфете ни глоточка.
Нет в резерве ни чуточка.
Если можно, дайте чашку
чая с ромом, да покрепче.
Чая – можно, но без рома.
Лучше рома, но без чая.
Нет ни рома, ни заварки.
Выпьем с горя кипяточку.
Чая нету ни щепотки.
Выпьем пепси? – Нет резона.
Выпьем кофе? – Кофе вышел.
Выпьем грога? – Нет предлога.
Примем старки? – Нет в серванте
Хлебанем стакан горилки.
Выпьем красного кагора
Выпьем белого портвейна
Выпьем рог напареули.
Выпьем кубок цинандали.
Кувырнем графин малаги.
Штоф лафита – это нечто!

Выпьем в баре? – Где ботинок?
Выпьем в сквере? – Нет скамейки.
Выпьем стоя? – Дискомфортно.
Выпьем лежа? – Что мы, греки?
Выпьем браги? – Нет здоровья.
Выпьем двадцать капель брома.
Лучше б рома вместо брома.
Выпьем с горя стопку яда.
Стопку яда? Больно надо!
Выпьем яда ради смеха.
Выпьем с горя. Где же кружка?
Выпьем с горя. Где ж икрушка?
Выпьем бренди? Где перцовка?
Выпьем кьянти? Где же пицца?
Выпьем квасу? Дайте ценник!
Где же килька? Дайте штопор.
Выпьем пива? – Только с воблой.
Дайте кружку, дайте сушку.
Сколько пены! Где же пиво?
Дайте портер. Где же памперс?
Выпьем? Выпьем. С горя? С горя.
Ладно, выпьем, если жаждешь.
Выпьем, право!.. Где же лево?
Выпьем, кружка! Где ж подружка?

Леди, соку? – Пару пива!
Леди, квасу? – Рррюмку водки!
Где сливянка? где кизлярка?
Выпьем в пейзах пейзаховки!
Выпьем с горя стопку счастья.
Где же кружка? Жизнь прекрасна!
Выпьем славы пару капель.
Выпьем жизни пару кружек.
Выпьем, Салли! Выпьем, Дженни!
Где ты, Мери? Выньте, дайте
горькой водки, сладкой водки!
Где же рюмки? где же кружки?
Дернем с горя, Маркс и Энгельс,
рюмку шнапса, кружку пива.
Тяпнем, Ленин! – Где ты, Надя?
Хлопнем, Сталин, – Ленин в Горках.
Сталин дунул – где же Троцкий?
Где же Киров? – Сталин хлопнул.
Пей, Хрущев, крутя баранку
государства. – Кружку сперли!
Выпьем, Гете! – Шиллер, где ты?
Байрон, джина! – Только с Шелли!
Едет Пушкин: – Пушкин, выпьем?
Едет Пушкин: – Выпьем, Дельвиг!
Выпьем, Вульф, Языков, Кюхля,
Вяземский и Соболевский;
выпьем, Аня и другие
беззаконные светила!
Пробки в небо! *Брызжет пена.*
До краев себя наполним!
Девы! Музы! Жены! Други!
Игры! Смехи! Младость! Радость!
Ай да Пушкин! Пушкин – гений!..
Водки! Жженки! *Дайте чаши!*
Вьются тучи, буря мглою
небо кроет, – пить мы станем,
выпивать в пиру вечернем,
иль со скуки околею.
Часто пью – но, слава богу,
чистый мне любезен Бахус.
Долго ль мне гулять по свету?
Все сойдем под вечны своды.
Наливай мне, мальчик резвый!
Милый, предадимся пьянству!
Всюду мрак и сон докучный.
Настоящее уныло.
Век – торгаш, в сей век железный
цели нет передо мною...
Слезы, муки... Что я? Где я?
Злобно мной играет счастье.
Где мне смерть пошлет чужбина?
То ли дело рюмка рома!
Выпьем, Моцарт! – Где ж Сальери?
Гремин, стопку! – Где Онегин?
Выпьем, Ленский! – Ленский умер.
Выпьем с горя. Где морошка?
Выпьем, Пушкин!.. Где же няня?
Выпьем, няня!.. Где же Саша?
Выпьем с горя: Умер Пушкин.
Выпьем с горя; где же кружки?
02.1999